

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б51

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

William S. Burroughs
THE WILD BOYS

Перевод с английского *А. Комаринец*

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В. Половцева

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства The Wylie Agency (UK), Ltd.

Книга содержит нецензурную брань

Берроуз, Уильям.

Б51 Дикie мальчики : [роман] / Уильям Берроуз ; [перевод с английского А. Комаринец]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 224 с. — (Чак Паланик и его бойцовский клуб).

ISBN 978-5-17-111017-8

«Дикie мальчики, или Книга мертвых», первый роман «лондонской» трилогии, куда входят также «Дезинсектор» и «Пристань святых», повествует о группе подростков-мародеров, терроризирующих города Северной Африки. В гротескном, романтическом, кошмарном шедевре Берроуза технологии, плоть и насилие проникают друг в друга, сливаясь в вакханалии взаимного уничтожения.

Это произведение вдохновило группу Duran Duran на создание одноименной знаменитой песни с альбома «Arena».

**УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44**

© William S. Burroughs, 1970
© Перевод. А. Комаринец, 2019
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-111017-8

Дядюшка Матэ улыбается

Камера — глаз стервятника, неспешно парящего над зарослями чахлых кустов, горами битого кирпича и недостроенными зданиями на окраине Мехико.

Остовы пятиэтажных зданий без лестниц, без стен... импровизированные жилища сквоттеров... этажи соединены приставными лестницами... лают собаки, кудахчут куры... когда камера проплывает мимо, мальчишка на крыше делает непристойные жесты, как будто дрожит.

Приближаясь к земле мы видим тень от наших крыльев... подвалы заросли колючими сорняками, ржавые прутья торчат из растрескавшегося бетона стальными растениями, битые бутылки сверкают на солнце... комиксы цвета дерьма... индейский мальчик сидит у стены, подтянув к груди коленки, и ест апельсин, припорошенный красным перцем.

Камера поднимается, наплывает на многоквартирный дом красного кирпича, облепленный балконами, на которых пестрые — пурпурные, желтые, розовые — рубашки сутенеров полощутся, точно знамена средневековой крепости. На балконах мы

мельком видим цветочные горшки, собак, кошек, кур, козу на привязи, обезьяну, игуану. Vecinos¹ перегибаются через перила, обмениваясь сплетнями, передавая растительное масло, керосин и сахар. Взаимозаменяемые статисты разыгрывают набивший оскомину фольклорный сюжет.

Камера поднимается к верхним этажам здания, на фоне неба — силуэты двух балконов. Балконы расположены не точно один над другим, верхний чуть уже. Здесь камера останавливается... СНЯТО.

Яркое ветреное утро, в небе полумесяц цвета голубого фарфора. Maricon² Хоселито, сын Тетушки Долорес, прислонил зеркало к бочке для дождевой воды и на утреннем ветру сбрасывает длинные шелковистые волосы на груди, напевая:

— NO REGAN A MIO (НЕ БЕЙТЕ МЕНЯ)!

От этих невыносимых звуков звенят ложки на блюдах и вибрируют оконные стекла. Vecinos недовольно ворчат.

— Es el puto que canta³.

— Сын Тетушки Долорес.

Какая-то тетка крестится. Молодой человек расстроено скатывается с жены.

— No puedo con eso puto cantando⁴.

— Это же сын Долорес. А у нее дурной глаз.

¹ Соседи (*исп.*). — Здесь и далее примечания переводчика.

² Педераст (*исп.*).

³ Это педик поет (*исп.*).

⁴ Не могу, пока этот педик поет (*исп.*).

Лицо Хоселито, поющего NO PEGAN A MIO, проецируется на стену в каждой комнате. В кадре — старый паралитик, и в нескольких дюймах от его лица изо рта Хоселито вырывается рев: NO PEGAN A MIO.

— Не забывай, он же сын Тетушки Долорес.

— И один из «котят» Лолы.

Старая Тетушка Долорес держит уличный киоск, торгует газетами и табаком. Сыночка ей явно заделал кто-то из клиентов.

На верхнем балконе — Эсперанса, она недавно пришла с гор, поскольку мужа и всех ее братьев посадили в тюрьму за выращивание опиумного мака. Это могучая баба с ручищами, как у борца, вечно скалит выпирающие зубы. Вот она перегибается через перила балкона:

— Puto grosero, tus chingoa de pelos nos soplan en la cocina!¹

В кадре волосы падают в суп и посыпают омлет, как молотые специи.

Словечко «ебаные» задевает Хоселито. Он резко поворачивается, нечаянно порезав грудь. Мучимый горем, он зажимает рану — точь-в-точь умирающий святой на картине Эль Греко. Потом ахает:

— Mamacita!²

И опускается, капая кровью на красные плитки балкона.

¹ Педик похабный, твои ебаные волосы летят нам в еду! (исп.)

² Мамочка! (исп.)

На его стон из своего логова под лестницей, из крысиного гнезда из старых газет и журналов вылезает Тетушка Долорес. Ее «дурной глаз» прибывает и убывает в соответствии с движением планет, и каждую ночь она по много часов проводит за расчетами, устроившись в своем «гнезде», пыхтит и чирикает, и корябает заметки в блокнотах, громоздящихся у кровати вперемешку с журналами по астрологии... «Завтра мое полуденное око войдет в полную силу...» Таблица ее «силы» так выверена, что она всегда должна иметь точные день, час, минуту и секунду, чтобы наверняка знать, какой глаз в асценденте, и для того таскает с собой на ремешках и цепочках уйму будильников, наручных и солнечных часов. Она умеет заставить оба своих глаза выделять разные штуки: например, вращать одним глазом по часовой стрелке, а другим — против или вывалить одно глазное яблоко на щеку в сеточке воспаленно-красных вен, а другое упрятать в загадочную серую щель. Недавно она вывесила расписание для «*ojo dulces*»¹ и приобрела некоторую известность как целительница, хотя Дядюшка Матэ говорит, что предпочтет десяток ее «дурных глаз» одному «ласковому». Но он — ожесточившийся старик, живущий прошлым.

Тетушка Долорес — скорее грозная боевая машина, чем орудийная башня, и полагается на рассчитанное до доли секунды время и отражательное зеркало своего киоска, — она не создана для случайных стычек.

¹ Добрых глаз (*исп.*).

На наших подмостках появляется американский турист. Он считает себя хорошим парнем, но, когда смотрится в зеркало, брея этого самого хорошего парня, вынужден признать, мол, «чего уж, люди на меня не похожи, и я не слишком-то их жалую». От этого он испытывает чувство вины перед окружающими. Тетушка Долорес плотнее стягивает вокруг себя свою злобную ауру и взирает на него с каменным неодобрением.

— Buenos dias senorita.

— Desea algo?

— Si... Tribune... Tribune Americano...¹

Поджав губы, она без единого слова складывает газету и протягивает туристу. Стараясь не обращать внимания на то, что выделяет глазами старуха, хороший парень нашаривает мелочь. Внезапно его рука выскальзывает из кармана, монеты рассыпаются по мостовой. Он нагибается их подобрать. Ребенок протягивает ему монетку.

— Gracias... Gracias.

Ребенок смотрит на него с холодной ненавистью, а он все стоит, держа монеты в руке.

— Es cuanto?

— Setenta centavos².

Он протягивает старухе песо. Она бросает монету в ящик и швыряет ему сдачу.

— Gracias... Gracias...

¹ — Добрый день, сеньорита. — Чего хотите? — «Трибьюн»... американскую «Трибьюн»... (исп.)

² — Сколько? — Семьдесят сентаво (исп.).

Тетушка Долорес смотрит на него ледяным взглядом. Турист неуверенно бредет прочь. Отойдя на полквартила, он выкрикивает:

— УБЬЮ СТАРУЮ СУКУ!

Он делает несколько боксерских выпадов, складывает из пальцев пистолет. Прохожие пялятся на него, дети орут ему вслед:

— Сукин сын! ‘мериканец! Псих!

Двигаясь рывками, подходит полицейский.

— Senor oiga...¹

— СТАРАЯ СУКА... СТАРАЯ СУКА...

Перед глазами у туриста красное марево, он неистово размахивает руками, на рубашке запекающаяся кровь.

Появляется беременная женщина. Просит испанское издание «Лайф». Глаза Долорес изучают живот женщины, потом стекленеют и закатываются.

— *Nacido muerto*², — шепчет Дядюшка Пепе, бочком подобранный к женщине.

В дни «доброего глаза» Тетушка Долорес превращает свой киоск в цветочный ларек и лучится радостью, как самая добрая цветочница на свете.

На сцене появляется американский турист, лицо забинтовано, рука на перевязи.

— А! Американский кабальеро желает «Трибьюн»! Сегодня я продаю цветы, но газету для вас поберегла.

¹ Сеньор... Послушайте... (*исп.*).

² Мертворожденный (*исп.*).

Вокруг глаз у нее собираются морщинки, улыбка наполняет лицо мягким светом.

— *Aquí señor, muchas gracias*¹.

От газеты слабо пахнет розами. Монеты сами собой оказываются в руке у туриста. Отсчитав сдачу, она вкладывает монетку ему в ладонь, смыкает над ней пальцы.

— Она принесет вам удачу, сеньор.

Турист идет своей дорогой, улыбаясь ребятишкам, а те улыбаются в ответ... «Думаю, ради такого мы сюда и приезжаем... эти дети... эта старая цветочница...»

Появляется женщина, родившая мертвого сына. Она пришла купить цветок на его могилу. Тетушка Долорес печально качает головой.

— *Pobrecito*².

Женщина протягивает монетку. Тетушка Долорес вздымает руки.

— *No señora... es de mío*...³

Однако ее расписание требует постоянной смены декораций, аксессуаров и характера. «Мой добрый глаз слабеет с луной»... В тот день турист добирается до гостиницы чуть живой, потому что мерзкий уличный мальчишка бежал за ним от самого киоска и кричал:

— Сукин сын, *puto*, пидор, я подцепил триппер из твоей ебаной жопы!

Иногда в одной половине ларька Тетушки Долорес — газетный киоск, а в другой — цветочный, а сама

¹ Вот так, сеньор, больше спасибо (*исп.*).

² Бедненький мальчик (*исп.*).

³ Нет, сеньора... это от меня (*исп.*).

она сидит посредине, чтобы газетный глаз оказался на одной половине, а цветочный — на другой. Переходить с «доброего» на «дурной» она умеет по двадцать четыре раза в секунду, даже глазные яблоки у нее скачут из глазницы в глазницу.

Окрыленная прошлыми победами, Тетушка Долорес выходит на балкон, переваливаясь, как старая жирная птица.

— Pobrecito...

Она гладит Хоселито по голове, стягивая вокруг себя силу.

— Скажи своему пидору-сынку, чтобы брился в доме!

Украдкой глянув на три пары часов, Тетушка Долорес оборачивается к этой неотесанной крестьянке, посмевавшей бросить вызов ее грозному взгляду.

— *Vieja loca, que haces con tu ojos?* — ухмыляется Эсперанса. — *Tu te pondras ciego como eso*¹.

Выдохнув два слова: «ДЯДЮШКА ПЕПЕ», Долорес оседает на пол подле своего поверженного сына. А Дядюшка Пепа выскакивает, подвязывая спереди штаны куском измочаленной серой веревки. Его вид — пародия на добродушие, но его душу раздирают бурные ветра ненависти и невезения. Читая газеты, он тщательно смакует несчастные случаи, катастрофы и преступления, — он полагает, что это он насылает их своими «*sugestiones*»². Его «магия»

¹ Ты что своими глазами вытворяешь, полоумная ты старуха? Ты же от этого ослепнешь (*исп.*).

² Гипнотическими внушениями (*исп.*).

заключается в нашептывании многозначительных обрывков фраз из газетных заметок: «никто не спасся...», «обречен на смерть...», «пожар неизвестного происхождения...», «обугленные трупы...» Такое он проделывает в толпе, где люди невнимательны, или — еще лучше, гораздо лучше — прямо в ухо кому-нибудь, кто уснул или отрубился спьяну. Если никого нет поблизости и он уверен, что не потеряет с ноги вьетнамку, он усиливает свои *sugestiones*, врезав жертве по яйцам, вдавив костяшками пальцев глаз или хлопнув ладонями по ушам.

Вот мужчина спит на скамейке в парке. Приближается Дядюшка Пепе. Садится рядом и открывает газету. Наклоняется и читает бедолаге на ухо хриплым назойливым шепотом:

— No hay supervivientes¹.

Мужчина беспокойно шевелится.

— Muerto en el acto².

Мужчина трясет головой и открывает глаза, подозрительно смотрит на Дядюшку Пепе, который обеими руками держит газету. Потом встает и хлопывает карманы. Потом уходит.

А вот парень спит в скверике. Дядюшка Пепе роняет монету возле его головы. Нагнувшись подобрать ее, он шепчет:

— ...un joven muerto³.

¹ Выживших нет (*исп.*).

² Скончался на месте (*исп.*).

³ ...мертвый мальчишка (*исп.*).

Иногда vecinos отгоняют его от спящего, и он ковыляет прочь, словно старый стервятник, скаля желтые зубы в отчаявшейся ухмылке.

Вот он заметил следы пьяной блевотины, а вот и сам пьянчуга — стоит, привалившись к стене, на штанах — потеки мочи. Нагнувшись, будто хочет помочь ему подняться, Дядюшка Пеппе шепчет то в одно, то в другое ухо:

— Accidente horrible¹...

Потом выпрямляется и визжит высоким фальцетом:

— EMASCULADO! EMASCULADO! EMASCULADO!² — и трижды легонько пинает бедолагу в пах.

Он видит пьяную старуху, спящую на куче тряпья, и ладонью хлопает ее по рту и носу, нашептывая:

— Vieja borracha asfixiado³.

Вот другой пьяница заснул в опасной близости от костра. Дядюшка Пеппе тычет тлеющим окурком в безвольную ладонь и, присев на корточки, вкрадчиво шепчет:

— Cuerpo carbonizado... cuerpo carbonizado ... cuerpo carbonizado... cuerpo carbonizado...⁴

Он запрокидывает голову и закликает сухие кусты, колючие сорняки и ветер:

— ...Cuerpo carbonizado... cuerpo carbonizado...

¹ Ужасное происшествие (*исп.*).

² Кастрат! Кастрат! Кастрат!

³ Старая пьяница задохнулась (*исп.*).

⁴ Обуглившийся труп... обуглившийся труп... обуглившийся труп... обуглившийся труп... (*исп.*)

На Эсперансу он сейчас смотрит с мерзкой улыбкой.

— Ага, наша деревенская сестренка рано встает. — А сам тем временем напевает себе под нос: — *Resbalando sobre tin pedazo de jabon se precipito de un balcon*¹.

Описав огромными ручищами пренебрежительную дугу, Эсперанса плюхает на перила балкона половую тряпку, забрызгивая Дядюшку Пепе, Долорес и Хоселито грязной водой. Ухмыльнувшись через плечо, она уходит внутрь. Победенная команда на нижнем балконе зализывает раны и планирует мечь.

— Если бы только заманить ее к моему киоску в двадцать три минуты десятого в следующий вторник...

— Если бы я застал ее *borracho*²...

— А я прикажу ее пристрелить! Скажу *pistoleros*³...

Так похвалиться Хоселито позволяют его диковинные отношения с Лолой Ла Чата. Лола Ла Чата — это трехсотфутовый валун той же горной породы, что Эсперанса. Она продает героин сутенерам, ворам и шлюхам и денежки хранит между гигантскими сиськами. С Лолой Хоселито свел один его дружок-джанки. Хоселито отплясывал фламенко, вереща, как павлин. Лола рассмеялась и взяла его в свои «котятки». На торжественной церемонии он сосал ее багровую грудь, горькую от героина. Бывало, Лола обслуживала клиентов, а двое «котятков» сосали ее груди.

¹ Поскользнулась на обмылке и с балкона свалилась (*исп.*).

² Пьяной (*исп.*).

³ Бандитам (*исп.*).